

П. МАККАБЕЕВ

Религиозно-церковные воззрения императрицы Екатерины II

Личность Екатерины еще мало объяснена и мало понята, хотя потомство для великой императрицы уже давно наступило. Но великий образ не забыт. Порою события дня вновь вызывают его из сумерек недалекого прошлого и побуждают пристально всмотреться в него и изучить его отдельные черты. Конечно, не все черты этого образа одинаково интересны и одинаково заслуживают внимания, но несомненно, что черты религиозно-церковной жизни Екатерины нельзя отнести к неинтересным и неважным, хотя нужно сознаться, что историческому воспроизведению они поддаются не легко, так как не получили цельного, полного и ясного отражения в исторических памятниках.

Сама Екатерина не оставила после себя полных автобиографических записок. Ее «Mémoires» обнимают почти только отрочество и юность, оканчиваясь первыми годами царствования, и ничего не говорят о дальнейшей эпопее жизни великой императрицы. Не имея, таким образом, под руками документа, по которому можно было бы следить шаг за шагом за развитием личности государыни и на основании собственных признаний писательницы составить представление о внутреннем облике ее душевной жизни, — приходится пользоваться отрывочными замечаниями, разбросанными среди ее обширной корреспонденции, случайными выражениями, наконец, очень скудными заметками современников. <...> В данном случае трудность работы увеличивается еще тем, что предметом ее служат не какие-либо иные, а именно религиозно-церковные воззрения Екатерины II, т. е. одна из интимных сторон жизни императрицы, которые не всем могли быть открыты для наблюдения. Отсюда оказывается нужным разбираться в тех противоречиях, которые естественно возникали в ее словах и поступках касательно религиозной жизни, и смягчать ту разницу, которая подчас сквозит у нее между словом и делом.

Обладая умом преимущественно практическим, Екатерина II мало интересовалась вопросами теоретическими. В этом отношении у нее большое сходство с ее «великим дедом» Петром I, по стопам которого она обещалась следовать в самом начале своего царствования. Ошибочно было бы поэтому думать, что увлечение императрицы философией энциклопедистов могло быть всецелым и настолько глубоким, чтобы в корне изменить ее воззрения; с уверенностью можно сказать, что оно редко переходило границы чисто практической жизни. «К чести императрицы нужно сказать, — пишет один исследователь Екатерининской эпохи, — что она, пользуясь для прославления России модными философами, как органами общественного мнения, не увлекалась их утопиями, не становилась безусловно под их влияние, но с здравым практическим тактом умела отличить в их идеях полезное от бесполезного и неприменимого» *. И если императрицу Екатерину обвиняют, однако, в религиозном либерализме и вольномыслии, то это делается большею частью скорее путем догадок и умозаключений, чем путем строго проверенных данных. Действительно, зарево всякого рода антирелигиозных идей и увлечений слишком ярко горело на умственном горизонте того времени, чтобы не бросить зловещих лучей на тех, кто близко подходил к этому горизонту. Не избежала этого и Екатерина. Современников смущала близость императрицы к философам-энциклопедистам, а эта доходящая до интимности переписка ее с безбожником Вольтером положительно заставляла ревнителей благочестия высказывать подозрительные суждения. Но Екатерина хорошо понимала истинную цену своей переписки, а потому все подозрения только раздражали ее, и когда она узнала, что какое-то лицо (полагают, Платон) косо смотрит на ее переписку с Вольтером, то не без раздражения ответила: «Вы можете ответственность, что менее всего ожидать надлежало благотворительной руке от святительской особы осыпанной, отличенной и возведенной щедростью и щедротами, — безрассудной толк известной переписки, которой лишь одно злобой наполненное сердце может дать кривое толкование; понеже сама собою та переписка весьма невинна, в такое время, когда 80-летний старик старался своими по всей Европе жадно читаемыми сочинениями прославить Россию, унижить врагов ее и удержать деятельную вражду своих соотчичей, кои тогда старались распространять повсюду язвительную злобу против дел нашего отечества, в чем и преуспел. В таком виду и

* Труды Киевской Духовной академии. 1868. Т. I. С. 468.

намерении письма писанный к безбожнику, кажется, не нанес ли вреда ни церкви, ни отечеству»*.

Рассудительная и осторожная, Екатерина менее всего способна была увлекаться химерическими идеями; в ней было слишком много того «здорового смысла», который она так высоко ценила и рекомендовала против всяких увлечений. А между тем императрицу-философа один из современников прямо укорял в безбожии и лицемерном ханжестве. «Elle n'a aucune religion, mais elle contrefait la devote», — говорил про нее полупрезрительно, полунасмешливо Фридрих Прусский. <...> На самом же деле ни энциклопедист Дидро, ни ярый материалист Гельвеций, сочинение которого «De l'esprit» Екатерина сделала своей настольной книгой, не могли вытравить в ней религиозного чувства. «J'aime à dire avec Racine», — обратилась она однажды к своему домашнему секретарю Храповицкому:

Celui, qui met un frein à la fureur des flots
Sait aussi des mechans arreter des complots.
Soumis avec respect à la volonté sainte
Je crains Dieu, cher Abner, et n'ai point d'autre crainte**1.

Последний стих, по словам Храповицкого, императрица любила повторять. Очевидно, религиозное чувство всегда жило в ней, и в нем она находила опору против всякой «crainte».

Вопрос в том, насколько это чувство захватывало глубины ее душевной жизни; много ли места в жизни отводила она религии. В этом отношении очень характерны следующие два выражения царственной писательницы. В письме к Вольтеру от 11 августа 1765 г. она замечает: «Моим девизом — пчела, которая, перелетая с одного растения на другое, собирает мед для своего улья, и при том надпись: полезное»***. Вот ключ к определению истинных отношений Екатерины к Вольтеру и др. и в то же время средство для определения основного тона ее душевной жизни. Тут виден строго утилитарный ум, который все направляет к определенной практической цели; виден человек, который не позволит, чтобы какое-либо чувство, хотя бы религиозное, всецело завладело им. Всему должно быть свое время и свое место, и религия остается лишь одной из тех сторон человеческой жизни, которые заслуживают «уважения». Так смот-

* Из письма к неизвестному лицу // Труды Киевской Духовной академии. 1868. Т. I. С. 424—425.

** Дневник Храповицкого. Изд. Базунова. 1874 г. Под 14 авг. 1799 г., с. 344.

*** Сборник ИРИО. Т. X. С. 38.

рела Екатерина на религию. В одной из заметок, в которых императрица любила выражать рождавшиеся в ее голове мысли, она, еще будучи великой княгиней, говорит, между прочим: «Не делать ничего без правил и разума: не руководить себя предрассудками; уважать веру, но никак не давать ей влияния на государственные дела; изгонять из совета все, что отзывается фанатизмом, и извлекать наибольшую по возможности пользу из каждого положения для блага общественного» *. Характерно это выражение — «уважать веру», равно и вся заметка, являющаяся как бы схематической программой всей политической деятельности будущей императрицы. В этом выражении невольно сказалась вся религиозная психика Екатерины. Это — не индифферентизм, для которого «вера всякая чиста и хороша»: не холодное равнодушие рационалистической природы; тут виден лишь человек, который рассматривает религию только как одну из ценностей и потому пользуется ею наряду с другими для благоустройства жизни. Религия — дело хорошее, но она является только одною из потребностей человеческого духа, а поэтому должна занимать в жизни человека лишь один определенный уголок, а не заполнять всего поля его деятельности.

Такой чисто рассудочный взгляд на религию был вполне естественным для Екатерины, холодный, логический ум которой был развит значительно в ущерб сердцу. Женщина с философским складом ума, Екатерина не могла не подчинять контролю разума и своей религиозной жизни. Правда, этот контроль не всегда был безошибочен в области ее религиозной политики, но, вместе с тем, он предохранил ее как от беспочвенного мистицизма, так и от неразумного фанатизма. «По самому складу ума, холодного и наклонного к рационализму, — говорит Пыпин, — Екатерина не понимала и не любила ничего туманного и мистического; ей казалось, что всякое мистическое направление мысли есть всегда заблуждение» **. Это непонимание всего таинственного и прямо-таки полная вражда к мистическому лучше всего отразились в отношениях Екатерины к масонству. Масоны встретили непонимание своего дела со стороны этой последней. Осмеянию масонов она посвятила три комедии. Карикатурное изображение масонов с их мистицизмом и аскетизмом наряду с некоторыми действительными нелепостями начинается в «Обманщике», увеличивается в «Обольщенном» и переходит, наконец, в пародию в «Шамане сибирском». Для

* Там же. Т. VII. С. 98.

** ЖМНП. 1902. Т. I-II. С. 396.

императрицы представляется положительно непонятным увлечение некоторой части общества мистицизмом. Ей кажется, что увлечение это навеяно извне, занесено разными шарлатанами на русскую почву, для самих же русских оно должно быть чуждо по самой природе русского духа. Поэтому-то и масоны делятся у нее на два разряда: обманщиков и обманутых, шарлатанов и пройдох и обойденных глупцов. Для образчика отношений Екатерины к мистицизму масонов можно привести следующую сцену разговора между двумя действующими лицами в комедии «Обольщенный» — Бритягиным и Радотовой матерью. Радотова мать, возмущаясь всем тем, что происходит в доме ее сына, говорит:

Что здесь ежедневно происходит, того глаза мои более терпеть не могут...

Бритягин: Что же такое?..

Радотова мать: Где все то пересказать... иной ходя явно бредит... и вздор несет... другой шепчет, говорит будто с духами... чертями, что ли, населили дом (*плюет*)... даже и ребятам нелепость сажают в голову...

Радотова жена: Ребятам?..

Радотова мать: Да, ребятам... пришла ко мне в горницу внучка моя Таисия, увидела на столе предо мною стоит стакан с цветами, она начала целовать листочки; я спросила, на что? Она на то сказала, что на каждом листе душик обитает!.. и будто на булавочном конце несколько тысяч умещается!.. я от страха обмерла!.. век чего мы боялись!.. предков наших в ужас приводило!.. от чего отплевывались!.. чего слышать не хотели, и от чего уши заграждали!.. тем ныне самовольно окружаются!.. и щенки уже возятся!.. развращение ведь это сущее!..

Бритягин (*к жене Радотовой*): У меня, сестрица, запрещено мамам и кормилицам накрепко детей моих пугать подобными сказочками и с ними говорить о небывалых чудовищах *.

Чуждаясь всего мистического, которое было мало понятно ее уму, Екатерина, вместе с тем, строго судила и тех людей, которые, погрузившись всей душой в чисто обрядную, внешнюю сторону религии, находят в религии все очень понятным и простым. Для осмеяния таких приверженцев обрядового благочестия, которые не в состоянии отличить веры от суеверия, императрица написала комедию «О, время!». Автор комедии заставляет служанку Мавру так отзываться о своей барыне г-же Ханжахиной: «Кто добродетелей ищет в долгих молитвах и наружных обыкновениях и обрядах, тот барыню мою без похвалы не оставит». Екатерина объясняла невежеством излишнее пристрастие некоторых к обрядовой стороне религиозной жизни.

* Соч. Екатерины. Т. I. С. 293—294. Изд. Пыпина.

В этом смысле она защищала греческую религию против обвинений аббата Шаппа, который в книге о совершенном им путешествии по Сибири обвинял русских в слишком грубом понимании христианства.

Но этот принцип объяснения она прилагала иногда и к таким явлениям, которые бывают простым выражением высокого религиозного чувства. В дневнике Храповицкого под 31 янв. 1789 г. записан такой факт: «По полученному от Еропкина донесению о схваченном бродяге, называвшемся монахом Захарием, велено снять с него железные вериги, потому что не должен никто сам себя изнурять или себе вредить, и хотя дело уважения не великого достойно, но понеже он фанатик, то нужно скорее исследовать» *. Конечно, бродяжничество Захарии требовало соответствующего возмездия, но характерно, что с него велено было снять вериги не почему-либо иному, а именно потому, что «не должен никто сам себя изнурять», и что Захария был фанатиком. Фанатизм и аскетизм ставятся на одну доску, как проявления невежества. Действительно, аскетизм был слишком чужд блестящему веку Екатерины с его несмолкаемыми победными кличами, шумными пирами, триумфальными шествиями и т. п. Сама Екатерина, с ее живым, веселым темпераментом, полным жизнерадостности, была слишком далека от аскетизма, чтобы сочувствовать ему. Понятно поэтому ее ироническое подсмеивание над масонами с их стремлением к внутреннему совершенству посредством самопознания и укрощения страстей. Увлекаясь аскетизмом, масоны удаляются от мира, заботятся только о личном душевном спокойствии и становятся, таким образом, эгоистами, — вот обвинение, которое возводит Бритягин на Радотова в комедии «Обольщенный», обвинение, как известно, самое ходячее на устах всех противников аскетической и отшельнической жизни. «Позволь сказать, — обращается Бритягин к Радотову, — что я с ужасом смотрю на твой новый образ мысли, он истребляет в тебе равномерно естественные связи и рожденные с человеком чувства» **. Екатерина была даже не прочь видеть в аскетизме косвенное влияние фанатизма, как это показывает вышеприведенная выдержка из дневника Храповицкого. Вообще фанатизма, особенно на религиозной почве, Екатерина не терпела и была деятельным врагом его. В письмах к г-же Жоффрен она зло подсмеивается над австрийской императрицей Терезой, благочестие которой, столь

* Дневник Храповицкого. С. 248.

** Соч. Екатерины. Т. I. С. 297.

известное повсюду, граничило подчас с ханжеством. Фанатиков она называет не иначе, как «душевнобольными» — *malades d'esprit*.

Пропитанная началами широкой веротерпимости, которую выставили на своем освободительном знамени философы XVIII в., зная, к каким последствиям приводил фанатизм на западе, — императрица-философ не желала обострения фанатизма в своем государстве. Заботясь о благе и спокойствии своих подданных, она ставила эту заботу во главу угла, и на религию готова была смотреть, как на политическую силу. «*Il faut profiter des opinions populaires*» *, — сорвалось у нее однажды выражение, записанное Храповицким. Отсюда ее содействие изданию в России алкорана; отсюда ее церковная политика по отношению к инославным исповеданиям, задерживавшая миссионерское дело нашей церкви. Сохранился отзыв императрицы по поводу сенатского доклада о построении в Казани двух мечетей вблизи православных храмов, что Синод находил не удобным и оскорбительным для церкви: «Как Всевышний Бог терпит на земле все веры, языки и исповедания, то и Ее Величество из тех же правил, сходясь Его святой воле и в сем поступать изволит» **. Доведенная до болезненной чуткости боязнь фанатических проявлений заставляла, таким образом, императрицу недоверчиво относиться к самой миссии православной церкви среди инородцев и предполагать, что дела миссии не всегда бывают чисты и безупречны, и что миссионеры для подкрепления духовных увещаний порой не прочь употребить и меры более осязательного свойства. А ведь императрица, еще будучи великой княгиней, мечтала избегать предрассудков и «уважать веру».

Самый факт тех затруднений, которые ставились иногда делу православной миссии, и той широкой терпимости, к которой пользовалось хотя бы, как сейчас было показано, мусульманство, оставляет вне всякого сомнения, что Екатерина не была горячей ревнительницей православия. Да это и понятно, если иметь в виду, что императрица воспиталась в протестантской семье, под руководством своего отца, благочестивого немецкого князя. А так как это воспитание закончилось еще увлечением философским рационализмом, то вполне естественно, что сделаться всецело и по духу православной для Екатерины было трудно. Не мудрено поэтому, что вскоре по приезде своем

* Нужно пользоваться престолярными мнениями.

** Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1875. Февр. С. 217.

в Россию по первом ознакомлении с православной церковью, она не усмотрела большой разницы между православием и протестантством, и уроки по Закону Божию под руководством Симона Тодорского², чуждые, разумеется, богословских тонкостей, были для нее как бы уроками протестантского пастора. Вся внешняя сторона православия, которая должна так бросаться в глаза каждому протестанту, казалось ей, не могла идти в счет при сравнении двух вероисповеданий. Поэтому-то в письме к своему отцу от 3 мая 1744 г. молодая принцесса так богословствует: «Так как, — пишет она, — я не нахожу никакого различия между верою греческой и лютеранской, то я решилась переменить религию и пришлю Вам с первою же почтою мое исповедание веры» *. Что касается обрядов, то «внешние обряды очень различны, но Церковь видит себя вынужденной к тому во внимание к грубости народа» **.

Однако в продолжение всей своей жизни императрица всегда была примерной исполнительницей обрядов и уставов греческой церкви: посещала богослужение, ежегодно говела и причащалась. Часто служила молебны, ездила на поклонение св. мощам и пр. За это она подвергалась даже порицанию своих заграничных друзей. «Мне кажется, — читаем в письме к Гриму от 30 сент. 1774 г., — что с тех пор, как Вы приближаетесь к Парижу, Вы начинаете меня критиковать. Теперь уж Вы вздумали осуждать мои молебны. Хвалы Богу Вас сердят, я очень знаю, почему, но не скажу» ***. А пред Вольтером Екатерина защищалась даже в том, что целует руку у священнослужителей. Но, может быть, все это было одно лишь лицемерие, рассчитанное на чувства народа, которому всегда приятно видеть того на троне, кто является выразителем и опорой самых дорогих его верований? Может быть, здесь сказывалось хитрое умение «*profiter des opinions populaires*»? Действительно, такие взгляды иногда высказываются. Но нам кажется, что подобным объяснением нельзя увлекаться и пользоваться им для широких приложений. Чтобы казаться для посторонних наблюдателей благочестивой, для этого не нужно было питаться во время говения одним картофелем, как это делала государыня; не нужно было защищаться пред Вольтером в целовании рук у священнослужителей и т. п. Но нельзя также думать, чтобы Екатерина смотрела на обряд глазами православного русского чело-

* Сборник ИРИО. Т. VII. С. 4.

** Там же. С. 3.

*** Там же. Т. XIII. С. 448.

века. Если русский так дорожит обрядами своей церкви, то это потому, что он сжился с ними, что под их внешней оболочкой он воспринимал метафизическое содержание религии на протяжении целого ряда веков; форма и сущность, обряд и догмат сливались для него до нераздельности. Чтобы полюбить обряд любовью православного человека, от Екатерины требовалось, таким образом, полное слияние с русской душой во всех ее верованиях, но этого, разумеется, ей не доставало. Оставалось некоторое среднее положение. Так она действительно и сделала. Отводя в религии первое место догме и нравственности, Екатерина не находила чем-то излишним внешней формы религиозной жизни. Исполнение обрядов очень не трудно, а между тем этим исполнением обнаруживается «знак внимания» к церкви. Не безынтересно ее рассуждение относительно поста в письме к г-же Бьельке от 4 мая 1773 г.: «Сожалею об опасениях Ваших на счет поста: я переносу его почти всегда хорошо и принадлежу к числу тех, которые считают баловством не подчиняться этому церковному закону, к которому большинство у нас очень привязано; по мне это знак внимания, ничего мне не стоящий, потому что я люблю рыбу и особенно при тех приправах, с которыми ее приготовляют» *. Коль скоро церковь устанавливает те или другие законы, предъявляет те или иные требования, — их нужно выполнять, хотя бы отдельное сознание могло не соглашаться с этими требованиями. Таковы были, очевидно, подлинны взгляды императрицы на практическую сторону церковной жизни. Она могла иметь на этот счет свои личные мнения, многое могла считать лишним, но давать им простор она не решалась: с одной стороны, церковь их не освящает и не признает, с другой — исполнение обрядов, само по себе не трудное, является знаком внимания к церкви.

Что особые мнения у Екатерины действительно были, это вполне понятно для нее, как протестантки по рождению и воспитанию, и женщины философа по складу ума и образованию. В сочинении «Antidote», защищая русскую церковь против обвинений аббата Шаппа, утверждавшего, что христианство понимается русским народом грубо внешним образом, она, между прочим, замечает, что «все религии, в которых много внешних обрядов, обычно заставляют простых людей принимать эти обряды за сущность религии» **. Очевидно, по ее мнению, в греческой

* Сборник ИРИО. Т. XIII. С. 325.

** Соч. Екатерины. VII. С. 139. *Touttes les religions, ou il y a beaucoup de pratiques exterieures, sont sujettes a faire pendre aux simples ces pratiques pour l'essentiel de la religion.*

церкви таких внешних требований, — *pratiques exterieurs*, — было настолько много, что они вредили правильному пониманию христианства. Может быть, в душе Екатерина даже не прочь была от реформы внешней стороны жизни православной церкви. Такая догадка находится в полном согласии с теми либеральными проектами реформ русской церкви, которые вносились иногда в Синод. Известен проект обер-прокурора Меллиссино, предлагавшего самые либеральные перемены в церкви вплоть до отмены иконопочитания включительно. Такой смелый шаг едва ли был бы сделан, если бы не было хотя бы безмолвного соглашения с императрицей.

Имея свои личные взгляды на предметы, которые она считала неважными и второстепенными, Екатерина, однако, свято хранила и исповедовала все то, что считается наиболее существенным в религии. Ее оскорбляло подозрение в чистоте ее православия. Возвратясь однажды после исповеди в свои покои, она с удивлением рассказывала Храповицкому, своему домашнему секретарю: «Вопрос на исповеди странный, какого никогда не делал: веруешь ли в Бога? Я тотчас сказала *tout le simbole*, а ежели хотят доказательств, то такие дам, о коих они и не думали. Я верю всему, на семи соборах утвержденному, потому что св. отцы тех времен были ближе к апостолам и лучше нас все разобрать могли» *. Екатерина отлично сознавала, что истина христианства сохранилась в православии и заметила об этом даже в письме к Вольтеру. По поводу перехода в православие невесты Павла Петровича, принцессы Дармштадтской, она писала к Вольтеру: не могу оставить Вас в неведении об обращении этой принцессы заботами, ревностью и убеждением епископа Платона, который принял ее 15 авг. в лоно католической вселенской церкви, единой православной (*seule vraie croyentent*), сохранившейся на востоке. Порадуйтесь нашей радости и пусть это послужит Вам утешением в такое время, когда западная церковь опечалена, разделена и занята достопамятным уничтожением иезуитов» **. Приведенное место слишком важно для характеристики отношений Екатерины к православию, чтобы не остановиться на нем и не предупредить возможных возражений. В самом деле, не самолюбие ли продиктовало слова о сохранении истинного христианства в православии? Может быть, Екатерина просто лишь хотела хвастливо подчеркнуть перед Вольтером, что-де в ее только государстве сохранилась истинная форма христианства, тогда как искреннего убеж-

* Дневник Храповицкого. 9 февр. 1790 г. С. 325.

** Сборник ИРИО. Т. XIII. С. 358.

дения в том у нее не было? Так некоторые готовы думать, но вряд ли достаточны приводимые ими психологические основания. Известно, что Екатерина очень ревниво оберегала тот ореол, которым окружалось ее имя за границей, что она очень дорожила мнением о себе своих заграничных друзей, создавших отчасти этот ореол, — даже более: в своей переписке она впадает подчас в заискивающий тон, лишь бы не потерять себя во мнении философов. Но могла ли Екатерина говорить Вольтеру о истине православия, не рискуя вызвать ироническую улыбку на устах этого «фернейского злого крикуна»? Очевидно, так говорить Екатерина могла не по самолюбию, но по убеждению и даже в ущерб самолюбию.

Таковы были взгляды и отношение к церкви со стороны Екатерины, как частного человека и простого члена церкви. Посмотрим, как она относилась к церкви, как известному институту, находящемуся рядом с институтом гражданским, т. е. государством, и вступающему с ним в известное взаимоотношение; как относилась она к этому институту в сане могучей повелительницы многомиллионного государства.

Нужно помнить, что освободительная философия XVIII в., которую так увлекалась русская императрица, поставила одной из своих главных задач упорную борьбу с клерикализмом. Хотя в России никакого клерикализма не было, однако церковная политика Екатерины приняла такой характер, что ее можно рассматривать как отголосок антиклерикального движения на Западе. Идея полного подчинения церкви государству лежала в основе всех отношений Екатерины к церкви. Вступив на русский престол, она быстро освоилась с представлением о себе как «главе» греческой церкви, и в переписке с Вольтером очень часто любила награждать себя этим лестным эпитетом. И действительно, бывшая княгиня-протестантка очень скоро вошла в роль «главы церкви». В речи к Синоду вскоре после заточения Арсения Мациевича Екатерина позволила себе высказаться очень смело, назвав членов Синода не служителями алтаря, не духовными сановниками, но «государственными особами», для которых «власть монарха должна быть выше закона евангельского»*. Как глава церкви, она заточила доблестного Арсения Мациевича; как глава церкви, она произвела отобрание церковных имуществ: как глава церкви, она игнорировала русское духовенство, не вызвав из его среды депутатов в известную комиссию для составления уложения; наконец, как глава церкви,

* Бильбасов. История Екатерины. II. Т. II. С. 246.

она поступала и тогда, когда тормозила дело развития православной миссии, напр., в Казани. Таким образом, в своей церковной политике Екатерина была всецело на стороне того подавляющего перевеса и вмешательства светской власти в дела церкви и религии, которые впервые так открыто и решительно стал применять Петр Великий.

В заключение нельзя не сказать несколько слов по поводу тех немногих фактов, сохранившихся в письмах Екатерины и дневнике Храповицкого, которые представляют славную императрицу в несколько несимпатичном для простого верующего человека свете. «Я Вас должна благодарить, — пишет она г-же Жоффрен, — за мистический Ваш поцелуй; в молодости я также по временам предавалась богомольству и была окружена богомольцами и ханжами; несколько лет тому назад нужно было быть или тем или другим, чтобы быть в известной степени на виду; не думайте, однако, чтобы я была в числе последних, я никогда не лицемерила и ненавижу этот порок» *. По-видимому, автор смеется над молитвой; на самом же деле речь идет лишь о некотором охлаждении того религиозного пыла, который нередко, появляясь в юности, потом в зрелом возрасте переходит в спокойное и устойчивое, всегда ровное и чуждое елейной сантиментальности религиозное настроение. В своей даже интимной жизни, когда ее никто не наблюдал, кроме самых близких лиц, Екатерина обращалась к молитве в важных случаях. У Храповицкого сохранилась не одна заметка в роде следующей: «Перекрестились, подписывая указ» **. Кроме упомянутого письма к Жоффрен, можно указать еще на следующее место у Храповицкого: относительно какой-то эпитафии, сочиненной императрицей, автор дневника замечает: «Эпитафия чиста и смела в рассуждении веры». Упомянутая эпитафия была естественна и извинительна для Екатерины с ее несомненной склонностью к «колебаниям», когда вдобавок вся умственная атмосфера, которою дышало образованное общество, была навсего пропитана скептицизмом.

Одно нужно сказать про церковно-религиозные воззрения Екатерины II, что и в этих воззрениях сказалась ее властная натура, ничему не подчинявшаяся слепо, но любившая всем повелевать и во всем давать себе отчет.

* Сборник ИРИО. Т. I. С. 282.

** Дневник Храповицкого, под 26 июня 1788 г.